

Макс Максимов

Черная

Вселенная

Макс Максимов
Черная Вселенная

«Автор»

2026

Максимов М.

Черная Вселенная / М. Максимов — «Автор», 2026

Черная Вселенная старше нашей на триллионы триллионов лет. В ней действуют иные законы физики, а звезды давно погасли, погрузив планеты в вечную тьму. Россия, США и Китай отправляют в Черную Вселенную исследовательские станции. Спустя несколько лет полета астронавты НАСА высаживаются на планете, поверхность которой полностью состоит из зеркал. А потом связь с ними прерывается. Российская экспедиция, прилетевшая через три месяца после американцев, принимает решение найти коллег в этом враждебном черном мире.

© Максимов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. В Черной Вселенной вас ждет лишь ужас и смерть	5
2. На этой планете есть жизнь?	12
3. Поездка во тьму	17
4. Невероятные свойства материала	20
5. Мы все в серьезной опасности	23
6. Спуск в разлом	28
7. Эти зеркала...	33
8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Черная Вселенная

1. В Черной Вселенной вас ждет лишь ужас и смерть

Аннотация:

Черная Вселенная старше нашей на триллионы триллионов лет. В ней действуют иные законы физики, а звезды давно погасли, погрузив планеты в вечную тьму. Россия, США и Китай отправляют в Черную Вселенную исследовательские станции. Спустя несколько лет полета астронавты НАСА высаживаются на планете, поверхность которой полностью состоит из зеркал. А потом связь с ними прерывается. Российская экспедиция, прилетевшая через три месяца после американцев, принимает решение найти коллег в этом враждебном черном мире.

* * *

Попытка понять Вселенную – одна из вещей, способных приподнять человеческую жизнь над уровнем фарса и придать ей черты высокой трагедии.

(Стивен Вайнберг, лауреат Нобелевской премии по физике)

* * *

– В вашей статье предполагается, что во время инфляционного расширения от Вселенных ответвляются другие Вселенные, и этот процесс тянется из бесконечного прошлого к настоящему моменту времени.

– Да.

– Вы считаете, что не может существовать «ничто» и всегда было «что-то»?

– Да.

– И после нас будет бесконечность? Бесконечно долго будет существовать «что-то»?

(кивает)

– А позади нас уже лежит бесконечность? Бесконечное количество Вселенных появилось и исчезало до вот этого нашего разговора? Бесконечное количество времени уже прошло?

– Все верно.

– Объясните тогда мне следующее: если позади нас на шкале времени лежит бесконечность, то как мир смог преодолеть эту бесконечность и дойти до этого самого момента времени, в котором мы сейчас находимся? Чтоб оказаться в текущем моменте, кому-либо или чему-либо надо пройти по шкале времени предыдущие годы, а если их там бесконечно в бесконечном числе по очереди возникающих Вселенных, то как эти годы смогли оказаться пройденными? Это невозможно. Значит, должно быть «начало» всего.

– Тут нет ничего парадоксального. Например, перед нулем существует бесконечное количество отрицательных целых чисел, и что? Ноль не имеет право на существование из-за этого? Мы возникли в какой-то момент этой бесконечности времени, а потом исчезнем, и нет тут логического парадокса. Никакого «начала» быть не может, потому что тогда возникает закономерный вопрос – а что запустило это «начало»? Что было до «начала»?

– Числовая шкала плохой пример, ведь, чтоб нам оказаться в точке ноль, не надо вести пальцем по числовой прямой слева из бесконечности направо к нулю бесконечно долго. А чтоб нам или не нам, а чему угодно попасть в текущий год, необходимо было пройти предыдущие годы, которых бесконечно много. Если свести разговор к его сути, то выходит, что до нас была бесконечность по шкале времени, которая к этому моменту пройдена, а если она пройдена, то это не бесконечность, а значит, было начало.

– Стоп! Вы оба неправы и оба правы одновременно! Не могло быть начала, потому что, как было сказано выше, возникают вопросы: «Что подтолкнуло мир к его началу? И что было до начала?», и не могло быть до нас бесконечного пройденного времени, потому что в таком

случае оно никакое не бесконечное, раз пройдено. Проблема заключается не в одном из двух ваших утверждений, а в обоих сразу: мир не мог существовать вечно, и не мог существовать не вечно. Вот он – настоящий парадокс.

* * *

Если бы они знали... если бы они только могли знать...

В Черной Вселенной вас ждет лишь ужас и смерть...

Тихая Гавань – ближайшая от прохода в Черную Вселенную планета. Планета с полностью зеркальной поверхностью: с зеркальными, будто алмазными, скалами с бесконечным числом граней и ребер, с зеркальными равнинами и расщелинами. Космический корабль «Гефест» прибыл на Тихую Гавань час назад. Вместе с экипажем из тридцати семи человек, он принес огонь в этот мир темноты.

Полусфера рассеянного света исходила из «Гефеста», стоящего позади только что ступивших на чужую планету троих людей, одетых в оранжевые комбинезоны. На лицах у всех были кислородные маски, закрывающие рот и нос, головы их прикрывали обтягивающие капюшоны, за спинами висели кислородные баллоны.

Стоя в круге света корабля посреди вечной ночи Черной Вселенной, командир экспедиции, сорокапятилетний Максим Храмов с тревогой смотрел вдаль. Дождь бил по зеркальному плато и в свете прожекторов этот ненастоящий пейзаж выглядел как рисунок импрессиониста – будто водная гладь, переливающаяся широкими мазками желтой краски.

Купол света «Гефеста» был радиусом не более ста метров, а за его границей – лишь тьма, таящая в себе неизвестность. Тьма уходила далеко за пределы планеты и тянулась практически на бесконечное количество световых лет во всех направлениях.

По форме «Гефест» напоминал консервную банку диаметром тридцать пять метров, крышка которой была в виде конуса. Выглядел он словно сплюснутая ракета высотой двенадцать метров. В космосе корабль вращался вокруг своей оси и создавал искусственную гравитацию.

Дождь шипел ровным звуковым тоном. Звезд на небе не было видно не из-за нависшей тучи, а из-за того, что никаких звезд в этой Вселенной не осталось. Последнее поколение звезд закончило свою жизнь триллионы лет назад, став черными дырами, вокруг одной из которых и обращалась Тихая Гавань, делая оборот чуть менее чем за семьдесят пять земных лет. Эта Вселенная была настолько старая, что осознать ее возраст человеку не представлялось возможным: что такое триллионы триллионов лет? Эти величины времени не получится сопоставить ни с чем, что бы окружало нас в нашем мире. Черная Вселенная была стара как сама бесконечность.

Под ногами космонавтов шевелятся искаженные в кривом мокром зеркале отражения их самих, и образы эти выглядят зловеще, будто искусственные человеческие копии ходят они по ту сторону поверхности в мире зазеркалья и повторяют действия настоящих людей, словно передразнивают. Отражения тут повсюду, на каждой грани. В мире Тихой Гавани негде спрятаться от оживших рисунков с неправильными пропорциями, разве что полностью выключить свет, и только тогда, погрузившись в непроглядную темень, уродливые двухмерные изображения уйдут обратно в небытие.

Слева от Максима Храмова, задрал голову и сморщив лицо из-за падающих капель воды, стоял и рассматривал черное беззвездное небо Альберт Иванович Еврин – старый ученый-космолог, лауреат Нобелевской премии по физике. Невзирая на температуру воздуха минус пятьдесят семь градусов по Цельсию, вода здесь оставалась в жидком состоянии, потому что температура ее замерзания в этой Вселенной составляла минус семьдесят три градуса.

Альберт Иванович поправил кислородную маску и смахнул холодные капли со лба ладонью. Еврин огляделся и впервые спустя год и восемь месяцев полета ощутил страх из-за осо-

знания того, что находится в том месте, в котором он не был создан. В месте, с которым он причинно-следственно не связан в прошлом. В месте, где все работает не так, как дома.

«Что ожидать от параллельной Вселенной? – думал Еврин. – Какие тут могут быть неизвестные нам законы природы? Что может произойти здесь с нами? Это так удивительно и одновременно жутко».

Все фундаментальные параметры Черной Вселенной были не такие, как те же параметры нашей Вселенной. К примеру, протоны, нейтроны и электроны здесь отличались по массе на десятые доли процентов, а следовательно, атомы и молекулы основного газа в атмосфере Тихой Гавани тоже отличались от своих аналогов в нашем мире и представляли из себя что-то среднее между азотом и углеродом. Основным газ атмосферы планеты назвали другой азот. Все газы, которые были ранее обнаружены спутниками в Черной Вселенной, назывались так же, как и газы таблицы Менделеева, только к их названию добавлялось слово «другой». В Черной Вселенной была своя тонкая настройка фундаментальных параметров, позволяющая этому миру не рассыпаться на элементарные частицы и дающая ему возможность существовать в таком состоянии, которое может воспринимать человек из нашей Вселенной.

Прежде, чем послать на Тихую Гавань людей, туда были отправлены картографические и метеорологические зонды, а также тридцать шесть навигационных спутников, по которым можно было бы ориентироваться, находясь на поверхности планеты. Атмосфера Тихой Гавани состояла на 99 процентов из другого азота. В оставшийся процент входили более легкие газы, такие как другой гелий и другой аргон. Воздушная среда была прозрачная, на 16 процентов менее плотная, чем на Земле. Давление составляло ноль целых восемь десятых атмосфер. Диаметр планеты был почти в два раза больше земного, но гравитация тут ниже на 19 процентов, что прямо свидетельствовало либо о низкой плотности материи, из которой состояла планета, либо о меньшей гравитационной постоянной этой Вселенной, а может, верны оба тезиса. В любом случае «Что скрывалось под слоем зеркал?» – один из важнейших вопросов экспедиции. Погода на Тихой Гавани изменялась за счет какой-то энергии, исходящей из самой планеты, но какой именно – это еще предстояло выяснить.

Обнаружить относительно теплую планету в остывшей Вселенной, в которой нет практически никакого излучения, задача не сложная. Тихую Гавань нашли за счет того, что она излучала в инфракрасном диапазоне. Черную дыру, вокруг которой она вращалась, вычислили с помощью орбиты Тихой Гавани. Систему и саму черную дыру назвали Пустота-1. Других планет в системе не было.

Анатолий Звезда стоял в пяти метрах позади Храмова и Альберта Ивановича. Толя являлся геодезистом-картографом, и было ему пятьдесят три года. Коллеги по этой экспедиции шутили над Толей, мол, в этой беззвездной Вселенной, Толик, единственная звезда – это ты.

Взгляд Толи метался между планшетным компьютером с выведенной на экран картой места посадки и окружающей местностью, а именно – того небольшого участка, видимого в свете «Гефеста».

– Ничего не понимаю, – бубнил Толя, – бред какой-то.

Опытный картограф, работавший на Луне и Марсе, никак не мог сориентироваться на местности. Звезда был уверен, что они приземлились не по тем координатам, которые прислала им пропавшая здесь экспедиция из США. Американский корабль «Спейс Игл» прибыл на Тихую Гавань раньше российского на три месяца и четыре дня, и практически сразу американцы перестали выходить на связь. Китайская экспедиция стартовала с Земли позже и будет на планете через полтора месяца.

Толя, нахмурившись, посмотрел налево на зеркальный скалистый хребет, иссеченный вертикальными ребрами граней. Хребет находился метрах в восьмидесяти на границе света и тьмы, и не было видно ни начала его ни конца. Даже верхушка этой гряды была скрыта в черноте за куполом света. В этом рельефном образовании отображались лучи нагрудных

фонарей людей и прожекторов «Гефеста», а также и сам корабль, который в отражении был весь изрезан, изломан ребрами огромной кристаллообразной стены.

– Нет этих гор на карте, – произнес Толя тихо сам себе, – нет...

Подробные карты Земли, Марса, Луны и многих других небесных тел Солнечной системы создали благодаря фотоснимкам со спутников, что возможно только при освещенности поверхностей снимаемых объектов. Но в Черной Вселенной не было света. В таких условиях можно было создать только карту рельефа, используя георадар, подобно тому, как создавали карту Венеры из-за ее непрозрачной атмосферы. Но от идеи георадара отказались в пользу лидара. Такая карта имела очень мелкий масштаб и считывались с нее лишь крупные элементы линейным размером более тридцати метров. Толя понимал, что горная цепь, которую он сейчас наблюдает, должна быть на его карте, но вместо цепи гор на ней было изображено относительно ровное плато.

Расстояние от прохода между Вселенными до Тихой Гавани составляет четыре световых месяца. Современные ионные двигатели позволяют разогнать космический корабль до двадцати процентов от скорости света. Когда русские поняли, что команда США пропала, они сразу же отправили сообщение об этом в сторону прохода, к Земле, но, учитывая огромное расстояние, сигналу требуются те самые четыре месяца, чтоб дойти до адресата, и дойдет он до Земли лишь через месяц относительно текущего дня. После чего в земном центре управления примут какое-то решение и пошлют сигнал обратно на «Гефест», и идти он будет тоже четыре месяца. Максим Храмов, не дожидаясь ответа с Земли, самостоятельно принял решение продолжить исследовательскую миссию. Все члены экипажа поддержали эту идею. Командир китайского корабля «Чанчжэн» («Великий поход») спустя неделю узнал о происшествии и тоже не стал менять курс.

И вот сейчас, приземлившись, как утверждает геолокация, возле американского корабля, они выяснили, что никакого корабля тут нет, а местность эта совершенно не соответствует местности на карте.

Растерянный Толик, приподняв брови, смотрел в свой планшет и чесал затылок. Дождь стал сильнее.

Храмов прошел несколько метров вперед, шлепая ногами по луже.

– Это точно то место? – командир спросил по рации, встроенной в кислородную маску.

– Судя по координатам, да, – ответил Толя, – но на карте черт-те что показано. Карта говорит, что тут равнина сплошная, и никаких хребтов нет.

– Если на карте равнина, а на местности гора, значит, мы не там, где надо, тут и думать нечего, – Храмов повернулся к Толе и Альберту Ивановичу. Командир прищурился из-за слепящего света «Гефеста». Все трое отбрасывали длинные тени по направлению от корабля.

– Я думаю, нам прислали не те координаты, – произнес Толя, вытирая капли с лица.

– Чтоб сориентироваться по спутникам, нужно учитывать фундаментальные параметры Вселенной, – сказал Еврин, – такие, как скорость света и теорию относительности. Тут все другое.

– В программе была учтена только скорость света, – сказал Толя, – здесь она выше на семь процентов. Если бы была какая-то большая ошибка, в десятки или сотни метров, то мы, когда были на орбите, увидели бы ее.

– Увидели бы... – тихо произнес Храмов.

– Как бы вы увидели ошибку? – спросил Еврин. Ученый оттопырил кислородную маску и почесал седые усы.

– Что значит как? – важно начал Толя. – Чтоб посадить «Гефест» по координатам, нам необходимо было определить его местоположение на орбите относительно спутников. Ошибку в ориентировании нашего корабля моя программа бы показала. А ошибки не было. Мы прекрасно сориентировались относительно системы координат Тихой Гавани.

– А далее ты внес координаты посадки американского корабля, так? – спросил Альберт Иванович.

– Да. И вот мы сели по этим координатам.

– Толя, а ты можешь сейчас определить наше местоположение? – спросил ученый.

– Так оно определено же.

– А можно как-то заново переориентироваться?

– Можно, но зачем?

– Сделай, пожалуйста, есть у меня одна гипотеза.

Толя принялся тыкать пальцем в сенсорный монитор. Он сбросил спутниковое ориентирование, созданное, когда они были на орбите, и вновь запустил поиск спутников. Спустя несколько секунд приемник обнаружил четыре спутника и выдал ошибку при определении своего местоположения.

– Ого, – Толя сдвинул брови, – вот это да. Ну-ка, еще разок.

– Что там? – спросил Храмов.

– Погодите...

Толя опять сбросил ориентирование и запустил его заново.

– Ошибка сто семнадцать километров, триста двадцать метров, пятьдесят три сантиметра, – произнес картограф.

Анатолий посмотрел на Еврина, а потом на Храмова. Вид у Звезды был растерянный.

– Это точно не по моей вине, – начал оправдываться Толя, – а то сейчас начнется: намерил не пойми что, Толик криворукий... Это все эти ваши поломанные законы физики виноваты. Все тут с ног на голову в этой Вселенной, все наперекосяк.

Еврин залез рукой под маску и снова почесал усы, задумчиво глядя сквозь Толика.

– Знаю я вас, – бухтел Толя, третий раз пробуя сориентировать приемник, – как тогда, на Марсе, когда точки под геологию разметили не там... сразу во всем был виноват Звезда...

– Как работает теория относительности в этой Вселенной мы знать не могли, – задумчиво произнес Еврин, – для этого необходимо было проводить измерения еще и возле массивных небесных тел.

– Что вы имеете в виду? – спросил Храмов. – Что время тут искажается по-другому?

– Похоже на то, – ответил ученый, – это объясняет тот факт, что, когда мы были на орбите, сориентировать наше местоположение по спутникам вышло точно, а сейчас, когда мы на поверхности планеты, где время течет иначе, приемник выдает огромную ошибку. На Земле тоже есть такой релятивистский эффект, и он учитывается при спутниковой навигации.

– Ошибка в навигации из-за теории относительности тут предполагалась, – сказал Толя, – примерно такая же, как и на Земле, может, чуть больше, в пределах десяти метров. И плевать все хотели на эту ошибку, ведь, чтоб ориентироваться на Гавани, нам не нужна такая точность. Но чтоб сто семнадцать километров...

У всех трех кораблей изначально были точные места посадки. Американцы должны были сесть в экваториальной зоне, русские в районе Северного полюса, а китайцы в районе южного. Но когда «Спейс Игл» подлетал к планете, то выяснилось, что в той области, где планировалось приземление, бушевала гроза. Американцы сели южнее.

Альберт Иванович принялся рассуждать:

– «Спейс Игл» сел, его система навигации, будучи сориентированной еще на орбите, оказавшись на поверхности планеты определила координаты места посадки с ошибкой. И далее они отправили эти координаты нам. Значит, «Спейс Игл» находится где-то в радиусе ста семнадцати километров.

– И свет у них выключен, – сказал Храмов, – иначе мы бы увидели их, когда садились.

– Круг радиусом сто семнадцать километров соответствует площади сорока трех тысяч квадратных километров, – сказал Еврин. – Площадь Москвы чуть больше одной тысячи квадратных километров. Это я говорю, чтоб вы понимали масштаб бедствия.

– Н-да... – протянул Храмов, – во тьме на их поиски уйдет много времени.

– А можно как-то использовать картографический спутник? – спросил ученый. – Если его запрограммировать пролететь над предполагаемым местом посадки «Спейс Игла» и отсканировать это место, а потом на снимках искать корабль?

– Идея хорошая, но разрешение не позволит увидеть корабль такого размера, – сказал Толя, – но мы поступим иначе, мы отснимем всю эту площадь лидаром с коптера.

– Сколько это займет времени? – спросил Храмов.

– Точно скажу позже, но навскидку, может, неделю, – ответил картограф, – а может, нам повезет, и мы наткнемся на них сразу.

Все трое разбрелись по сторонам, но далеко не расходились, оставались в зоне света «Гефеста» и в зоне видимости друг друга: Толя не спеша прошел метров двадцать в сторону скал и замер, разглядывая эти фантастические кристалльные наросты на теле планеты, Альберт Иванович остался практически на месте, разве что сделал пару шагов к трещине длиной метров пять и шириной полметра, заглянул в нее и ничего, кроме воды, там не обнаружил, а Храмов ушел дальше всех, дойдя до размытой границы света и тьмы, врезался в эту границу лучом своего нагрудного фонаря и осветил небольшой сектор за ней. Максим сделал несколько шагов во тьму. По левую руку продолжалось ровное плато, а по правую Храмов увидел нечто напоминающее торосные гряды Арктики – нагромождения обломков льда высотой несколько метров. Тут, конечно же, это был не лед, а все те же неизвестные науке рубленые и отшлифованные местной природой множественные структуры, которые уходили за пределы видимости фонаря. Динамика игры света в этих гранях-зеркала была огромная: все переливалось и сверкало, свет преломлялся и двигался по каждой грани, отражался и попадал в глаза, на мгновение ослепляя, потом снова смещался в сторону и снова попадал в глаза. За ореолом света в отражении покачивались десятки кривых изображений Храмова. Стоявшему вдали от людей, Максиму стало не по себе от вида множества своих копий. Он попятился, не решаясь повернуться спиной к двойникам. Храмов был высокообразованным человеком – закончил Московский авиационный институт, получив специальность летчик-космонавт, и потому являлся сто процентным «технарем» и прекрасно понимал, что отражение в зеркале – это лишь сформированное на сетчатке глаза и переданное в мозг представление об объекте, и нет на самом деле на гранях никаких оживших рисунков, но сейчас животный страх взял верх, и потому Храмов все пятился и пятился, пока не оказался вновь в круге света «Гефеста», выйдя из вязкой черноты.

– Какие у вас тут еще есть способы ориентирования? – раздался из рации голос Альберта Ивановича. Храмов развернулся и бодро зашагал в сторону коллег.

– Спутники пока что отпадают, – начал перечислять Толя, – магнитного поля нет, поэтому магнитные компасы мы сюда и не брали, по звездам тоже не сориентироваться, остается только гироскопический компас.

Толя и Храмов подошли к Еврину.

– Гироскопы встроены в каждое транспортное средство? – спросил Альберт Иванович.

– А-то! – Толя кивнул. – Конечно, в каждое. У нас этих гироскопов тут навалом. Хоть магазин открывай!

* * *

Если бы они могли представить, какая беда их ждет...

...эти отражения... нет, это не монстры, не демоны, которые вылезут из зеркал... если бы это были монстры, если бы это были демоны...

...если бы они знали, они, вероятно, стартовали бы с Тихой Гавани прямо сейчас, позабыв о своих научных задачах и никогда бы больше не вернулись в Черную Вселенную, в которой человеческому сознанию грозит...

2. На этой планете есть жизнь?

Все члены экипажа готовились к выполнению своих прямых обязанностей, иначе говоря – все собирались на работу. Одной из главных целей экспедиции был поиск жизни на Тихой Гавани, и, учитывая, что тут есть жидкая вода, вероятность выполнения этой задачи была высока. В нашей Вселенной внеземную бактериальную жизнь давно нашли на Марсе, в пещерах Луны, на Энцеладе, на Европе и много где еще, и вот теперь, благодаря открытию Альберта Еврина в соавторстве с биологом Уильямом Райтом, который тоже полетел сюда и пропал вместе с американской командой, у человечества появился шанс заглянуть в чужую Вселенную и поискать жизнь там. В состав экипажа «Гефеста» входили пилоты, бортинженеры, техники, ремонтники, кибернетики, врачи, геологи, физики, метеорологи, сейсмологи, геофизики, программисты, биолог и картограф. Команду можно было разделить на две категории: на ученых, которых было меньше по численности, и на людей, обслуживающих корабль, то есть контролирующих и, в случае неполадок, ремонтирующих всю его электронику, двигатель, навигацию, функции жизнеобеспечения. Суммарное количество поставленных научных задач было более тысячи. Команде планировалось провести на Тихой Гавани четыре месяца.

Толя сидел на раскладном стуле за пластиковым столом в своей светлой каюте в «Гефесте» и вводил в квадрокоптер данные маршрута аэросъемки над участком, где, вероятно, мог находиться «Спейс Игл». Каюта была небольшая – два на три метра, как и у всех тут. Стены и потолок каюты были серого цвета, а светло-коричневый пол с узором древесины имитировал паркетную доску. Когда «Гефест» летел сквозь космос и вращался, создавая гравитацию, стена с иллюминатором, та, что напротив двери и возле которой стоит кровать, становилась полом, а к дверному проему крепилась лестница, по которой можно было вылезти из каюты. Иллюминатор Звезда только что закрыл шторкой, потому что в освещенных зеркалах ему мерещились движения и это вызывало дискомфорт. Толя понимал, что это лишь игра разума. Отражения вызывали неприятные чувства не только у Толи и Храмова, а у всей команды. Но обсудить это необоснованное на первый взгляд волнение они еще не успели.

* * *

Анатолий Звезда был из тех людей, про кого говорили – человек улыбается всем лицом. Так оно и было. Улыбка Толи казалась невероятно выразительной. Если он улыбался, то сиял весь. Но особенно сияли его глаза. Внешне Толик отдаленно напоминал советского актера Савелия Крамарова. В свои пятьдесят три года Толя выглядел неплохо: гладко выбритое лицо молодило его, он был достаточно стройным, не имел хронических заболеваний, и даже сохранил все зубы, несмотря на то, что иногда покуривал табак. Конечно же, об этом никто не знал, иначе никакая медкомиссия не пропустила бы его не то что на Тихую Гавань, а даже на Луну, куда он отправился впервые двадцать лет назад. После создания ионных двигателей выход в космос и перелет на другую планету стал гораздо проще, и, в связи с этим, количество людей, участвующих в тех или иных работах вне Земли, резко возросло. Вместе с развитием технологий постепенно падали требования по здоровью к космонавтам, и спустя десятилетия эта планка снизилась до уровня, соответствующего уровню требований для экспедиции в Антарктиду. Впервые на Луну Толик попал по знакомству – срочно был нужен помощник геодезиста-картографа, а Звезда в это время был безработный, но с опытом зимовки на станции «Восток», что находится как раз в Антарктиде, и с хорошими рекомендациями с прошлого места работы. На самом деле рекомендации были подделаны и никаких хороших отзывов о Толике с прошлых мест не было. Вообще Звезда был не очень ответственным человеком, но в жизни ему часто везло. Ко всему прочему, у него была особенность: он мог притвориться очень интеллигентным человеком (кем он, конечно же, не являлся) и даже речь его в эти моменты

сильно менялась – из его фраз пропадали слова-паразиты, а предложения он намеренно удлинял, чтоб казаться умнее. Еще Толик пил. Можно сказать даже, что у Толика была вторая стадия алкоголизма. Но уникальным алкоголиком Толя был не только потому, что он первый в истории алкоголик-космонавт, а потому, что он мог резко перестать быть алкоголиком. К примеру, он мог пить каждый день по вечерам на протяжении года, при этом утром просыпаться с ясной головой и идти на работу. А когда требовали обстоятельства, Звезда мгновенно на несколько лет превращался в трезвенника, как это было, когда он полетел впервые на Марс. Толя был добрым человеком и когда он выпивал, то становился еще добрее и веселее. Главной гордостью Толи было то, что он смог собрать на Марсе самогонный аппарат. Случилось это на вторую его командировку, когда база на Марсе уже разрослась в огромное поселение с населением в три сотни человек. У Звезды там была отдельная комната, в которой он и соорудил свою машину. Весь выхлоп от самогонования выбрасывался через вытяжку в атмосферу красной планеты. Толик – первый, кто пьянствовал на Марсе, да так, что никто этого не замечал на протяжении нескольких недель вплоть до окончания Толиной смены. Семьи у Звезды не было.

* * *

Закончив вводить данные для маршрута коптера, Звезда надел на спину кислородный баллон и вышел в общий коридор, кольцом проходящий по всему кораблю. По внешней стороне кольцевого коридора были двери в однотипные каюты и в небольшой спортзал. При такой гравитации космонавтам необходимо ежедневно заниматься физкультурой. Также одна из дверей вела в главную шлюзовую комнату, через которую можно было выйти наружу. Возле входа в шлюз была лестница на второй ярус, где располагались лаборатории. На третьем ярусе находилась комната отдыха, столовая и кухня. Повара на «Гефесте» не было. Еду заготовили заранее на Земле и заморозили. По графику на завтрак, обед и ужин пища разогревалась и выдавалась автоматически. Капитанский мостик «Гефеста» был на четвертом этаже. Двигатель корабля скрывался за внутренней стенкой кольцевого коридора первого этажа, там же находился ядерный реактор и генератор магнитного поля, чтоб в течение длительного перелета у людей не развился гипоманетизм – отрицательное воздействие на человеческий организм из-за изменений интенсивности магнитного поля. Вся жизнь на Земле существует в магнитном поле самой планеты, и в условиях его отсутствия человеческое здоровье ухудшается настолько, что спустя несколько лет космонавт может умереть. Общая площадь всех помещений «Гефеста» по технической документации равнялась трем тысячам двадцати пяти квадратным метрам.

Анатолий шел по коридору к шлюзу и нес в руках картографический беспилотник.

– Звезда, привет, – произнес выходящий из своей каюты сейсмолог Марк Самсонов.

– Здорова, Самсон, – ответил Толя.

Двадцатидевятилетний Марк, несмотря на молодые годы, был уже опытным космонавтом, побывавшим на Марсе, но, в отличие от Звезды, один раз. Практически весь экипаж «Гефеста» имел опыт внеземных работ. Марк готовился к выходу наружу для того, чтобы разместить сейсмологические датчики, и поэтому был одет сейчас, как и Толя, – в оранжевый термостойкий комбинезон с перчатками, разработанный специально для погодных условий Тихой Гавани, а за спиной сейсмолога висел кислородный баллон. Кислородная маска была спущена на шею, защитные очки подняты на лоб.

– Ну как там? – спросил Марк.

– Противно. Холодно и мокро. Бери зонтик, – с улыбкой ответил Звезда.

– Американцев не видно? Вообще ничего? Даже следов приземления?

– Не-а. Так мы не там сели. Координаты не те. Вот иду с коптера искать их.

– Не те?

– Позже расскажу, ну или в отчете прочитаешь. Я сегодня сделаю и выложу. Через часа два.

– Еврин же с вами выходил?

– Да.

– Сказал что-нибудь интересное?

– Не. Ничего не сказал. Ходил все смотрел по сторонам и что-то там себе думал.

Толя обошел Марка и направился в сторону шлюза.

Дождь стих и сейчас слегка моросил. Снаружи уже были люди. Человек десять. Занимались кто чем: геологи вывезли из грузового шлюза буровую установку со встроенным в нее лазерным резаком и готовили машину к бурению, техники вдали, метрах в ста, установили прожекторы и раскладывали надувной модуль – на Тихой Гавани планировалось соорудить базу, постепенно достраивая ее по принципу базы на Марсе, только на Марсе из-за радиации было сложнее организовать поселение, в связи с чем колонисты там принимали таблетки, снижающие действие смертельного космического излучения, и стенки базы были сделаны из специального губчатого материала толщиной несколько метров, а тут, на Гавани, радиации нет и смысл строений заключался лишь в том, чтоб укрыть людей от холода и от азотной атмосферы. Система надувных модулей – это временное сооружение. Следующие экспедиции начнут привозить сюда строительные материалы, из которых, как из конструктора, будут собираться каркасные ангары.

Толя махнул рукой одному из геологов, Геннадию Аронову. Матерый бородатый широкоплечий Гена скупно кивнул в ответ Толику и вновь уткнулся в сенсорный планшет, встроенный в буровую установку, которая находилась на гусеничной бурмашине. Бурмашина очень отдаленно напоминала КамАЗ

Толик спустился по трапу на мокрую зеркальную поверхность и подошел к соплам под днищем «Гефеста». Зеркала в том месте, где стояли опоры корабля, остались невредимы и даже не потрескались, но само покрытие почернело из-за выброса ионизированного газа.

– Прочная штукавина, – тихо произнес Толя. Рация его была выключена, хотя по регламенту он был обязан включать ее и подключаться к общему голосовому чату, когда выходил из корабля. Толик об этом попросту забыл.

Звезда обошел «Гефест» и остановился на противоположной стороне от входного шлюза. Зеркала и в этом месте не были повреждены, если не считать копоть. Толику стало не по себе. Он огляделся, и мертвый зеркальный пейзаж начал сеять в разуме Звезды дурные мысли: а что, если мы не сможем отсюда улететь? Что, если пропадем так же, как и американцы, и останемся тут навсегда?

Тогда, будучи на корабле, после осознания, что «Спэйс Игл» исчез, вся команда поддержала решение Храмова продолжить полет и высадиться на Тихую Гавань, и мысли о тревоге перекрывались мыслями о покорении новых миров, о радости открытий, о славе. Ведь они первые среди россиян, кто ступит на планету в другой Вселенной. Все это было настолько романтизировано, что любая опасность воспринималась не как что-то смертельное, а как вызов, который непременно будет успешно пройден. И вот сейчас Звезда стоит спиной к «Гефесту» и рассматривает холодные зеркальные торосные гряды вдали, ближе к краю круга света, и понимает, что никакой романтики в этом путешествии нет. На Марсе он чувствовал себя как дома, да и до Земли от Марса было всего-то двадцать три дня, и то, из-за того, что кораблю необходимо было половину пути набирать скорость, а вторую половину пути тормозить. А здесь они были отрезаны от внешнего мира огромным расстоянием. Здесь, чтоб связаться с родной планетой и получить обратный ответ, потребуется восемь месяцев. Толя поднял взгляд к небу. Оно выглядело ненастоящим, будто это не небо, а идеально черный купол, которым накрыли область вокруг корабля.

Звезда поежился. В груди возникло неприятное ощущение волнения. Картограф вспомнил про рацию и включил связь, но в эфире была тишина – трое техников, раскладывающих

надувной модуль, общались на своей отдельной частоте, чтоб не забивать эфир и к общей частоте могли подключиться по сигналу.

- Марк? – произнес Толя.
- Да? Что? – почти сразу ответил сейсмолог.
- Да так, ничего, просто проверяю связь.

Кроме Марка и Толи на этом канале сейчас еще был Гена со своим помощником Андреем и астробиолог Юлия Никитина. У тридцатидвухлетней девушки это вторая инопланетная экспедиция. Ранее она была на Марсе вместе с Толиком. Они хорошо ладили, можно сказать, даже дружили, при том, что оба не имели вторых «половинок». Это был редкий случай дружбы между мужчиной и женщиной.

- А ты где? – спросила Юля.
- За «Гефестом», – ответил Звезда, – иду коптер запускать.
- Чего тебе отсюда не запускается?
- Да... я решил посмотреть... не знаю. Сейчас вернусь.

Анатолий резво зашагал обратно. Когда он увидел возле трапа Юлю и Марка, а в десяти метрах правее у буровой хмурого Гену с помощником, ком в груди Звезды мгновенно рассосался.

Девушка подошла к Толику. Черные волосы Юли вылезали из-под капюшона и налипали на мокрые щеки. Он взглянул в ее неестественно большие карие глаза и улыбнулся.

– Я образцы воды вышла взять, – сказала Юля. В руке у нее была пластиковая колба размером с письменную ручку.

- А когда будут результаты? – спросил Толя.
- Ну... может, через минуту, – ответила Юля.
- Серьезно? То есть мы сейчас узнаем, есть ли тут жизнь?
- Я уверен, что есть, – сказал Марк.

– Да, – с улыбкой произнесла биолог, – капля земной или марсианской воды кишит жизнью, которую можно рассмотреть в обычный микроскоп. Я не удивлюсь, если тут будет такая же картина. Я скорее удивлюсь, если в воде мы ничего не найдем. Это будет нехороший знак.

- Ну так давай иди скорее. Мне вот не терпится узнать, обитает ли тут кто.
- И мне, – добавил сейсмолог.

– Ну... – Юля замаялась, – если капля все же окажется стерильной, это не будет говорить о том, что на всей Гавани нет жизни. Это будет значить, что жизнь отсутствует лишь на ее поверхности.

– Давай иди, не томи, – торопил ее Толик, – по рации сообщи сразу, как глянешь там в свой микроскоп, договорились?

- Да, – усмехнулась Юля, – договорились.

После того, как выяснилось, что материя в Черной Вселенной отличается от материи нашей Вселенной, страх заразиться чужеземными вирусами, если, конечно, они тут существуют, отпал. Ученые вирусологи Земли единогласно решили, что опасаться инфекции нет смысла, потому что ни один вирус, способный жить в условиях Тихой Гавани, не сможет прижиться в человеческом организме по огромному ряду причин, которые можно свести к одному тезису – у гипотетической жизни на Гавани и жизни на Земле должна быть разная биохимия.

Девушка присела на корточки и набрала из лужи воды в колбу.

- Ну вот и все, – сказала она, поднимаясь, – полевые работы закончены.

– Лентяи вы, биологи, – Толик махнул рукой, – все в своих лабораториях сидите, задницы отращиваете.

- У меня вообще-то задница подтянутая, – улыбнулась девушка.

– Ладно, ладно, шучу я, – Толя отошел на пару шагов в сторону от «Гефеста» и поставил коптер на зеркало. Девушка за это время поднялась по трапу. Толик стоял спиной к ней. В руках он держал пульт.

– Жди моего сообщения, звездный человек, – услышал Толя голос Юли из рации.

– Давай-давай, биологиня, смотри там в оба. Чтоб не пропустила ни одну инфузорию.

Как только Звезда включил коптер, тот сразу поднялся на несколько метров и завис, ожидая, пока Толя активирует программу маршрута съемки. Спустя пару секунд маршрут был подтвержден. Заработал лидар, и коптер взмыл на двести метров вверх, скрывшись во тьме.

– Гена, – Толик стоял, запрокинув голову, и всматривался в тусклую, еле уловимую взглядом лампочку лидара.

– А-а, – протянул геолог Шаляпинским басом.

– Твой бур возьмет такую твердую поверхность? Там зеркала даже не треснули под весом «Гефеста». Видал?

– Видал. Не треснули, – невнятно бубнил Гена, – похоже, что не возьмет, но все равно попробуем. А вот лазер точно возьмет. Но лазером глубоко не залезем.

Поняв, что спутникам требуется поправка за искажение времени, Толик предположил, что, зная ошибку в координатах, можно вместе с программистом попробовать изменить программу, вычисляющую координаты и сделать ориентирование по спутникам, если уж не точным, как на Земле, то хотя бы более-менее сносным, таким, чтоб координаты давали ошибку в сто-двести метров. Такой точности достаточно, чтоб ориентироваться на Тихой Гавани и чтоб в случае дальней поездки можно было без труда вернуться к «Гефесту». Храмов эту идею поддержал и внес изменение в порядок задач для Толи и одного из программистов.

К нему Толя и направился. Стоя в шлюзе, он услышал голос Юли:

– Звездный человек, прием.

– Ну что там?! Есть что?!

– Ничего нет. Стерильно.

– Эх... жаль.

3. Поездка во тьму

Марк Самсонов был полноват и неуклюж, но обладал идеальным здоровьем, что компенсировало его проблему с лишним весом при отборе кандидатов в сейсмологи сначала на Марс, а потом и на Тихую Гавань. Вместе с одним из техников, Сашей Мишкиным – ровесником Марка, по совпадению таким же полным и неуклюжим, они сидели в ровере, готовясь к первой в этой экспедиции дальней поездке. Мишкин на Марсе не был, но был два раза на Луне и три раза на МКС-2.

Четырехместный ровер имел сзади багажник, в который Марк погрузил сейсмоприемник. По плану им было необходимо отъехать от «Гефеста» на пять километров и установить там датчик, чтоб показания его как можно меньше зашумлялись различными движениями команды, такими как топот от шагов или работа бурмашины Гены.

Мишкин сидел за рулем. Он завел бесшумный электродвигатель и нажал на педаль. Ровер плавно набрал скорость десять километров в час. Машина не имела крыши, но имела лобовое стекло. Сейчас Марк и Мишкин были в общем голосовом чате только с Максимом Храмовым. Видеокамеры располагались впереди на капоте и сзади на крышке багажника ровера, а также на груди у космонавтов. Камеры транслировали изображения на планшетный компьютер Храмова, сидящего в своей каюте.

– Мы выехали, – произнес в чат Мишкин.

– Хорошо, – ответил Храмов.

Ровер миновал размытую границу купола света «Гефеста». Фары машины освещали путь спереди и сзади, а местность сбоку можно было рассмотреть, только если повернуться и подсветить панораму нагрудным фонарем.

– Тревожно тут как-то, – Марк обернулся и увидел позади в желтом свете «Гефест», возвышающийся над плато. По правую руку в нескольких метрах начиналась торосная гряда, вдоль которой ехал автомобиль, а слева, как и спереди, зеркальная равнина уходила во тьму. У Мишкина на поясе висела кобура с пистолетом.

– Тут всем не по себе, – произнес Мишкин, – Костик сказал, что, когда они отошли от «Гефеста» и зашли в темноту, он почувствовал что-то в теле. Какое-то покалывание.

Константин – один из техников, собирающих в данный момент надувной модуль.

– Это он тебе лично сказал? – спросил Храмов.

– Да, он сказал, что сообщит об этом Пельчеру.

Иосиф Пельчер – главный врач на «Гефесте». Старый вредный педант. Настоящий профессионал своего дела! Врач до мозга костей. Лысый, сутулый и шуплый, но в свои шестьдесят лет все еще занимался бегом. Мог пробежать марафон. Всего тут было трое докторов: один широкого профиля – терапевт, как раз таки Пельчер, второй хирург, а третий психиатр.

– Только первый день работ, но я чувствую, что сегодня на собрании будет много докладов, – сказал Марк.

Мишкин свернул чуть левее, чтоб отдалиться от торосов. Техник ощущал дискомфорт от того, что ехал вдоль бесчисленного множества углублений и проходов в этот зеркальный лабиринт. Его богатая фантазия произвольно рисовала образы неземных хищных созданий немислимых форм, которые выпрыгивают из лабиринта, хватают космонавтов своими когтями или щупальцами, и утаскивают во тьму. Нервное напряжение тревожило всех участников экспедиции, но особенно волнительно сейчас стало Марку и Мишкину. Фары дальнего света били метров на двести. Равнина раскинулась вдаль, насколько можно было увидеть. Отражение света тянулось желтой полосой по плато, будто линия солнца на морской глади. Кристальные торосы справа скрылись во тьме. Сзади виднелся светящийся «Гефест», и это немного

успокаивало. Автомобиль разогнался до тридцати километров в час. Брызги воды летели из-под колес.

Через два километра Мишкин ударил по тормозам, резко повернув руль в сторону!

– Воу! – воскликнул Марк. – Ты чего!?

– Что у вас?! – тут же раздался голос Храмова.

Техник в последний момент увидел впереди расщелину, которую из-за зеркальной структуры было сложно идентифицировать, – в отражении стелящийся по плато свет фар уходил прочь от ровера, и лишь небольшое преломление этой полоски света спасло жизнь двум космонавтам. Мишкин смог остановить автомобиль в нескольких метрах от замаскированного разлома!

– Обалдеть! – произнес техник, вылезая из транспорта.

Марк только сейчас заметил трещину.

– Да что у вас там!?! – Храмов был на взводе.

– Разлом! – крикнул Мишкин. – Еще бы миг и все! До свидания! Александр Мишкин только что спас нам жизни! Максим, запишите это там где-нибудь.

Техник, делая робкие шаги, подошел к разлому. Замер в метре от него и несколько секунд вглядывался, пытаясь осознать его размеры. Марк тоже вышел из ровера, но к краю подходить не стал.

– Глубокий, – протяжно произнес Мишкин, а потом затараторил: – Не могу даже примерно сказать глубину из-за эффекта зеркального коридора. Ширина... тоже непонятно... где-то... метров шесть, может, семь. Протяженность огромная, разлом уходит в обе стороны за пределы видимости.

Марк осознал, что только что заново родился.

– Я бы не углядел, – сказал сейсмолог.

– Жуть какая, – тихо сказал Мишкин, – его вообще не видно было...

Техник повернулся к Марку и нервно захихикал. Марк улыбнулся в ответ, подняв брови, покачивая головой из стороны в сторону.

– Надо срочно сообщить всем про опасность подобных разломов, – произнес Мишкин – сказать, чтоб соблюдали скоростной режим – не более десяти километров в час, и чтоб глядели в оба!

Пришлось свернуть вправо почти на девяносто градусов относительно намеченного маршрута. Проехали еще около километра вдоль расщелины. Ехали медленно, километров восемь в час. От траектории пути взгляд не отводили ни на миг. Марк все это время сидел, наклонившись вперед, вытянув шею, и, напрягая зрение, высматривал перед ровером возможные ловушки.

– Тормози, – спокойно произнес сейсмолог, – дальше не поедем. Тут установим.

Из багажника ровера Марк вытащил сейсмоприемник – индикатор колебаний среды. Сейсмоприемник представляет из себя виброчувствительный элемент с усилителем, расположенным в герметичном корпусе с размерами двадцать на двадцать сантиметров. Обычно сейсмоприемники вставляются в грунт, но в условиях Тихой Гавани его пришлось расположить на специальной тонкой металлической раскладной плите площадью чуть больше квадратного метра.

Пока Марк, сидя на корточках, несколько минут возился с датчиком, Мишкин не переставал вертеться, будто выискивал что-то лучом во тьме.

– Готово, – сказал сейсмолог. Мишкин молчал. Марк распрямылся и вдруг обратил внимание, что вокруг все затихло настолько, что казалось, будто они сейчас находятся в открытом космосе. Сейсмолог медленно огляделся. Вокруг лишь пустота. Вдали все так же сиял спасительный свет «Гефеста».

– Поехали обратно? – Мишкин повернулся к товарищу.

Марк опустил взгляд и посмотрел на свое кривое отражение.

– Да, поехали, – ответил он и, не поднимая взора, сделал шаг в сторону ровера и тут же замер. Сердце его бешено заколотилось, адреналин выделился в кровь, в висках начало пульсировать. Марк не поверил своим глазам, когда увидел, что в момент шага, отражение его на миг застыло, буквально на полсекунды, а потом догнало физическое тело.

– Прием, – тихо и взволнованно произнес сейсмолог.

– Да, – ответил Храмов.

– Я не знаю, засняла ли это камера, но только что мое отражение замерло в зеркале, когда я двигался, – Марк старался говорить спокойно, хотя внутри у него бушевали эмоции.

– Ты уверен? – Мишкин помахал рукой своему отражению. Задержек он не заметил.

– Уверен, – сказал Марк.

– Я сейчас отмотаю запись назад, и посмотрю, может, там что видно было, – сказал Храмов.

Мишкин вытянул руку вперед, не сводя взгляда с ее отражения, и резко дернул ею в сторону. Отражение руки также резко дернулось вслед за настоящей рукой.

– Точно уверен? – спросил техник.

– Точно!

– Может, показалось? – продолжил Мишкин. – Из-за стресса вполне может быть.

– Нет! Не показалось! – сказал Марк и сделал быстрый шаг влево, глядя в зеркало под собой.

– А сейчас отстает?

– Нет, не отстает.

– На записи не видно отражения, – сказал Храмов.

– Я на сто процентов уверен, что отражение отстало от моего движения! – голос Марка дрогнул. – Я четко это видел! Задержка была почти на секунду!

– Ты понимаешь, что даже во Вселенной с другими законами физики, отражение не может отстать от твоего движения? – сказал Мишкин.

– Не знаю я... – нервно ответил Марк.

– В этой Вселенной другие фундаментальные параметры, – сказал Храмов, – но даже если предположить, что отражение и правда отстало, то я не могу даже представить, какие настройки надо изменить, чтоб вызвать такой оптический эффект.

Марк и Мишкин стояли и дергали руками в стороны, всматриваясь в зеркала.

– Поезжайте обратно, – сказал Храмов, – этот случай мы обсудим с Евриным сегодня на собрании. Может, он даст какой-нибудь компетентный комментарий.

4. Невероятные свойства материала

Гене на бурмашине далеко отъезжать от «Гефеста» смысла не было, ведь узнать, возьмет ли бур зеркальное покрытие, можно прямо здесь и сейчас. Этим он и его помощник и занялись. Гена стоял в двадцати метрах от корабля и жестом руки показывал Андрею, сидящему за рулем, место, куда тому необходимо подъехать. Андрей сдавал задом к намеченной Генной точке. Когда машина оказалась где надо, Гена подошел непосредственно к самой буровой установке, расположенной сзади. Управляя ей с помощью сенсорного экрана, он разложил четыре выносные опоры, которые выдвинулись, словно ноги из-под панциря черепахи, и уперлись в зеркальное покрытие, приподняв транспорт на несколько сантиметров.

– Хоть немного-то должно пробурить, – тихо произнес басом Гена, поправляя кислородную маску на черной косматой бороде и глядя на то, как поднимается в вертикальное положение огромное сверло с алмазной коронкой на конце.

Геолог ткнул толстым пальцем в сенсор и запустил процесс бурения.

На самом деле, на Тихой Гавани не все члены команды «Гефеста» испытывали нервное напряжение. Гена не испытывал. Гена вообще никогда не нервничал. Не нервничал, не расстраивался, не злился, не грустил и практически никогда не радовался. Практически. Иногда все же мог улыбнуться. Про Гену говорили, что он человек-робот, хотя небольшая палитра эмоций у него все же имелась, но выражал он ее очень скупой. Точнее сказать, совсем не выражал. Даже если случалось какое-то чрезвычайное происшествие, Гена, глядя чернющими глазами из-под чернющих густых бровей, мог произнести лишь что-то типа – «ого» или «ну и ну». Так было, когда они садились на Марсе и сработали не все парашюты посадочной капсулы. Посадка была жесткая – капсула врезалась на критической скорости в поверхность Марса (благо были воздушные мешки снаружи), а далее катилась. Все люди в капсуле орали от ужаса неминуемой смерти, а Гена молчал, и только, когда спускаемый модуль остановился, сделав перед этим какое-то невероятное количество кувырков, Геннадий тихо произнес свое «Ну и ну», а потом под звуки одышки коллег тихо добавил: «Значит, не сегодня». Видимо, он тогда говорил про смерть.

Гена имел невероятное самообладание, почти самурайское. Но все же однажды в школе в девятом классе (тридцать лет назад) его смогли довести до грубости. Пятеро одиннадцатиклассников, которых Гена уже тогда перерос на голову, регулярно подшучивали над ним, скорее даже дразнили, причем не по-дружески. Генка – нос картошкой, дылда, переросток и все в таком духе, хотя он всего-то был ростом метр девяносто, а нос... нос и правда был как картошка, но на его большой голове такой нос смотрелся уместно. Оскорбления длились долго, полгода точно, и Гена все это время не реагировал на провокации. В какой-то момент старшеклассники придумали ему кличку Крокодил, и тут Гена тоже не особо обиделся. Подумаешь – крокодил Гена. Инцидент произошел, когда эта пятерка пристала к Генке на его свидании. Он был влюблен в одну девочку, имя которой не имеет значения, и угораздило же этих пятерых идиотов Гену сильно разозлить в тот день. При даме терпеть насмешки Генка не смог...

Как рассказывали очевидцы, все случилось быстро. Одного парня Гена схватил за шкуру и швырнул в сторону так, что тот катился и кувыркался не хуже посадочного модуля, в котором в будущем Генка будет катиться и кувыркаться по Марсу, терпя крушение. Второму Гена ударил кулаком по лбу. Причем специально по лбу, потому что Гена понимал – если такой колотушкой ударить в лицо, то можно сломать что-то на лице и не только нос, а сами лицевые кости. Гена этого не хотел. И как только тот парень не стал дурачком после такого удара – загадка. Хулиган потерял сознание, а оставшиеся недоброжелатели рванули в разные стороны. Одному Генка успел поставить подножку, запустив того в непродолжительный полет. У летуна

даже слетел один кроссовок, он так и пришел домой без него. После этого Гена ни разу не дрался.

Гена мог бы стать идеальным воином Средневековья или более ранних периодов истории. Без труда он бы выжил в воинском походе, в то время как многих бы скошил голод, холод или кровавый понос, вызванный какой-либо инфекцией, что на самом деле уносило больше жизней бойцов, чем раны, полученные непосредственно в самом бою. Гена смог бы вместе с войском Ганнибала пересечь Альпы и захватить Рим, а потом тихо произнести что-то вроде «ну все, можно и домой».

Гена не пил и не курил. Жил в скромной квартире на окраине Москвы. На зарплату космонавта-геолога он мог позволить себе любую машину, но ездил на автобусе, говоря всем, что ему и так нормально.

С невозмутимым выражением лица, сложив руки на груди и слегка задрал нос, Гена сейчас стоял и смотрел, как сверло крутится словно волчок. Гена выглядел гордо, будто у них что-то получалось, но на самом деле, не получалось ровным счетом ничего: сверло не углублялось в поверхность планеты ни на миллиметр.

– Ладно, – сказал Гена и выключил бур, а после чуть поднял его. Сел на корточки возле места неудачного бурения.

– Что там? – спросил Андрей.

– Там отсутствие скважины, – монотонно ответил Гена своему молодому помощнику, проводя рукой по невредимому зеркалу. Андрей по поведению чем-то напоминал Гену – ходил с таким же хмурым видом и почти всегда молчал. Толик в шутку за спиной называл Андрея мини-Гена, потому что тот был в полтора раза меньше Генки по габаритам.

– Что дальше делаем?

– Будем резать.

Лера Зотова катила глубинный георадар, похожий на газонокосилку, в сторону бур-машины. Тридцатисемилетняя девушка-геофизик зондировала зеркальную субстанцию под поверхностью. По Лере нельзя было сказать, что она имеет отношение к науке. Эта стройная пышногрудая блондинка выглядела, скорее, как модель, и уж точно не как геофизик.

Волны георадара проникали вглубь до сотни метров и рисовали однородную структуру твердой материи. Лера остановилась возле Гены. Геолог выдвинул из-под буровой машины консоль с лазерной головкой, которая при помощи системы линз фокусировала луч лазера. Головка отъехала на край консоли и опустилась, коснувшись зеркала. Лера с Андреем молча стояли возле лазерной установки и с нетерпением ждали, что же будет дальше. Гена дал команду лазеру и луч под небольшим углом (чтоб, если вдруг зеркало отразит его, не повредить установку) мгновенно врезался в поверхность. В области контакта засияло так, будто работала сварка. Все трое отвели взгляд. Головка лазера проехала в сторону, прочертив линию разреза длиной пять сантиметров. Гена выключил лазер.

Троица тут же села возле почерневшей линии.

– Получилось, – сказал Гена.

– На сантиметр вошло! – воскликнул Андрей.

– А что толку? – спросила Лера. – Зондирование показывает, что этот материал уходит вглубь на десятки, а то и сотни метров. А может, вообще вся планета – это сплошной кристалл.

– Есть у меня одна идея, – ответил Гена и поднялся.

– Андрюха, подъезжай-ка вон к тому нагромождению, – произнес геолог, указывая на торосную гряду.

Гена, Лера и Андрей стояли возле кромки торосного леса – такое название придумал Гена только что. У этого рельефного образования действительно было некое сходство с лесом – многие из кристаллообразных структур имели вытянутую форму и возвышались на два три

метра над поверхностью. Если зайти подалее в этот зеркальный лес, то выйти обратно станет проблематично.

Бесконечное количество людских отражений в оранжевых комбинезонах стояли сейчас напротив троих исследователей и двигались с ними в унисон. Лера подняла руку и помахала ей. В каждой грани отражения Леры сделали то же самое движение. Она завороченно и одновременно с неприязнью разглядывала свои искаженные копии. Андрей всматривался вглубь лабиринта и никак не мог понять, где там дальше проход, а где поверхность тороса. Изображения рябили и мельтешили, лучи света неугомонно скакали, отражаясь от граней. Этот пейзаж дезориентировал, обманывал мозг.

Гене было плевать на отражения, на лабиринт, на надуманных демонов, скрывающихся там, или в зеркалах, или бог еще знает где. Гена хотел срезать себе кусок тороса и забрать его в лабораторию на изучение.

Он направил головку лазера на конец выступающего горизонтального зеркального отростка и запустил резак. Отросток был толщиной сантиметров пять и имел множество граней. Лазер разделался с ним меньше чем за минуту, и, когда кусок тороса упал на поверхность, Гена, Лера и Андрей от удивления раскрыли рты, хотя этого не было видно под кислородным масками.

Отрезанный кусок зеркального кристалла перестал отражать свет и почернел! То, что было зеркалом, стало настолько черным объектом, что казалось, в пространстве появился фрагмент пустоты!

5. Мы все в серьезной опасности

На «Гефесте» люди жили по земному времени. Собрание Храмов устроил перед ужином в восемь часов вечера. Первый исследовательский день для многих космонавтов подошел к концу, но не для всех: к примеру, врачам еще предстояло снять ряд медицинских показаний со всех членов команды для наблюдения за их здоровьем в условиях планеты с гравитацией чуть ниже земной. Показания врачи должны снимать два раза в сутки. Гена планировал еще повозиться с отрезанным черным куском – были у него мысли, что еще можно сделать с этой штуковиной. До собрания они с Альбертом Ивановичем успели провести некоторые эксперименты, о которых Еврин вскоре расскажет коллективу. Толик с программистом все еще работали над изменением расчетов программы ориентирования, а еще Звезда каждые полчаса изучал новые участки построенного лидаром плана местности и, можно сказать, вручную (своими глазами) искал на нем объект, похожий на «Спейс Игл». Искусственный интеллект тоже сканировал снимки лидара, но Толик роботу не доверял, потому что было уже много случаев, когда тот ошибался.

Сейчас все тридцать семь членов экипажа уселись на стулья за столы в столовой – это было самое большое помещение на «Гефесте». Столовая выглядела так: полукруглое помещение радиусом равным радиусу «Гефеста», а именно семнадцати с половиной метрам, с выкрашенными под светлое дерево стенами и серым полом, на котором были закреплены раскладные пластиковые столы и стулья, имитирующие деревянные. За стеной в другом полукруге находилось техническое помещение, где располагалось кухонное оборудование, склад еды, генератор кислорода и система очистки воды для повторного использования – да, фактически, космонавты пьют мочу, а вернее, извлеченное из мочи АШ два О. Стену эту экипаж шутливо называл стеной подаяния, потому что из специального окна, расположенного в ней, выезжали емкости с пищей.

Храмов вышел к стене. Он оглядел команду – люди развернули стулья так, чтоб быть лицом к руководителю. Еврин сидел на стуле, но не за столом. Сидел в стороне от всех, возле стены подаяния, там, где она стыковалась с внешней стеной корабля. Большинство людей уже переоделись в хлопковые темно-серые комбинезоны, в том числе и Храмов с Евриным. На «Гефесте», можно сказать, было два командира: первый – капитан корабля – Максим Храмов, и второй – отвечающий за все, что касается научных исследований, – Альберт Еврин.

– Тянуть не будем, начнем, – сказал Храмов, – Альберт Иванович...

– Да, – быстро и деловито произнес Еврин. Он встал со стула и медленно пошел вдоль стены, сложив руки за спиной. На аудиторию он не смотрел. – Перейдем сразу к сути, – продолжил физик. – Первый исследовательский день принес много новой информации. В том числе и такой, какую никто не мог даже представить. Но обо всем по порядку. Первое, что лично меня удивило, это... Хотя, впрочем, пусть Юля сама все расскажет.

Девушка сидела между Толей и Геной. Она встала и произнесла:

– Многие из вас уже знают, что те образцы воды, которые я исследовала, оказались абсолютно стерильными. И я хочу выразить беспокойство по этому поводу. Условия на Тихой Гавани складываются таким образом, что на ней должна быть жизнь.

– Подожди, – перебил ее Храмов, – с чего ты это взяла? Может, в этой Вселенной вообще не может быть жизни из-за ее фундаментального строения.

– Нет, Максим, – она отрицательно помахала указательным пальцем, – все химические элементы этой Вселенной отличаются от элементов нашей Вселенной, но между собой они взаимодействуют практически так же, как аналогичные им элементы взаимодействуют друг с другом у нас дома. Да, здесь температура замерзания жидкостей иная, и это, пожалуй, самое яркое и видимое различие в химии и физике наших Вселенных, но я, как астробиолог, как

кандидат биологических наук, заявляю, что на данном уровне осведомленности о химии материалов Черной Вселенной можно уверенно сказать, что жизнь тут должна быть. Но ее нет.

– Может, есть какие-то скрытые параметры, которые мы еще не поняли? – спросил Марк.

– В теории такое можно представить, но без каких-либо указаний на это, мы не можем брать во внимание твоё утверждение. Наоборот, все указывает на необходимость наличия жизни на Гавани – здесь есть жидкая вода, здесь нет радиации, а химические элементы взаимодействуют между собой так же, как и в нашей Вселенной.

– Ты в разных местах брала воду? – спросил Мишкин.

– Конечно. Я взяла несколько образцов из луж неподалеку от корабля, несколько из расщелин и у подножия скал. Вся вода стерильна. В Солнечной системе жизнь обнаружена везде, где есть жидкая вода. Даже в пещерах Луны живут бактерии! И в таком случае возникает закономерный вопрос: а почему Гавань – стерильная планета? Почему ее дождевая вода стерильна? Если наличие жизни в мирах с подходящими для нее условиями, это стопроцентный факт, то почему тут мы ничего не видим? Я считаю, и меня это очень настораживает, что здесь происходят какие-то процессы, которые либо не дают жизни появиться, либо регулярно убивают ее на этапе формирования. Все, что я озвучиваю, это лишь мое личное мнение. Мнение астробиолога и химика. Можете задавать вопросы.

– Марк прав: скорее всего, есть какие-то параметры, которые все портят, – произнес программист.

– Да? Например? – Юля покосилась на него.

– Не знаю...

– Юля, ты сгущаешь краски, – сказал врач Иосиф Пельчер. – Может, тут нет чего-то, что убивает жизнь, а просто жизнь не появилась? В принципе не появилась. Никогда ее не было.

– Если мы видим среду, в которой должна быть жизнь, а жизни нет, и при этом мы утверждаем, что она просто не появилась, должна быть причина тому, что она просто не появилась. Жизнь не может просто не появиться там, где для нее есть условия. Это правило. Это давно было доказано: Марс, Луна, Европа, Энцелад...

– Что, если в устройстве здешних молекул и атомов есть что-то, что не позволяет сложиться в живую материю?, – предположил Храмов.

– У нас есть множество данных об атомах и молекулах этой Вселенной, – сказала Юля, – все эти лаборатории возле выхода из прохода, космический коллаيدر... нет, ничто не противоречит возникновению жизни из материи этой Вселенной. Я допускаю, что могут быть скрытые параметры, но на данный момент все указывает на то, что тут должна быть жизнь. Если окажется, что нет никаких фундаментальных параметров, мешающих ей возникнуть, или, возникнув в другом месте, поселиться здесь, то мы в серьезной опасности. Ведь если здесь есть что-то, что стерилизует планету, то это что-то уничтожит и нас. И знаете, можно, конечно, сказать, что нет никакой проблемы... что тут просто что-то не так с законами физики и поэтому нет никаких микроорганизмов... что мы просто не знаем, что конкретно тут не так, и, приняв эту точку зрения, рискнуть... но ошибка в этом случае будет стоить нам жизни. Куда разумнее предположить, что на планете работает система очистки от жизни, и в этом случае быть наготове.

– Если тут есть что-то, что уничтожает жизнь, то как ты собираешься быть наготове? – спросил Храмов.

– Я пока не знаю. Но я искренне считаю, что мы можем умереть здесь ближайшее время.

– Просто потому, что ты не нашла в воде микроорганизмы? – спросил Мишкин.

– Да, – сказала Юля. – Этот факт выстраивает цепочку рассуждений, приводящую к тому, что есть большой шанс погибнуть тут.

– Безосновательно! – воскликнул Марк.

– Я высказала свое мнение не на пустом месте. Основания есть, и я их озвучила.

– Делать такие громкие заявления, основываясь лишь на том, что дождевая вода стерильна, нельзя! – возмутился сейсмолог. – Да и что ты предлагаешь? Завершить миссию и улететь?

– Была бы моя воля, – Юлия посмотрела на Храмова, – я бы улетела прямо сейчас.

– Глупости! – усмехнулся Марк.

– В каком именно месте мое рассуждение является глупостью?!

– Тихо, тихо, – вмешался Еврин, – давайте не будем переходить на повышенный тон. Я бы хотел поддержать Юлю и сказать, что отсутствие жизни меня тоже тревожит. Но также я считаю, что делать вывод, говорящий о нашей скорой смерти, пока что рано. И уж тем более не имеет смысла улетать.

– Никто не собирается улетать, – Храмов улыбнулся, – это даже не обсуждается.

Юлия села. Толя посмотрел ей в лицо – вид у девушки был недовольный, озабоченный.

– Чего это на тебя нашло, биологиня? – тихо спросил Звезда.

– Не знаю, но я чувствую, что случится беда, – шепнула она.

– Чувствуешь? – Толик усмехнулся. – Юлия, ты же ученый. Как ты можешь так говорить? Это не по-научному.

– Не могу объяснить, но, после того, как мы высадились тут, что-то изменилось во мне, я не знаю, что со мной.

– Невроз. Не иначе как невроз, – уверенно сказал Толя.

Девушка вздохнула.

– Нормально все будет, Юлька, просто не волнуйся, – попытался произнести шепотом Гена, но вышло у него, как обычно, громко, басово и раскатисто.

– Спасибо, Гена. Потрясающий совет, просто восхищаюсь им, – с иронией ответила биолог.

Храмов встретился взглядом с Марком.

– Стерильная вода, конечно же, вызывает вопросы, но сегодня случилось еще кое-что, – сказал Максим.

Марк рассказал про задержку движения отражения. Этой теме не уделили особого внимания, потому что, кроме слов Марка, не было никаких подтверждений феномена. Психиатр сделал отметку об этом событии. А вот информацию о том, что сейсмодатчик зарегистрировал сейсмическую активность планеты, аудитория приняла с интересом. До собрания Марк никому не рассказал об этом.

– ...активность слабая, – говорил Марк, – по шкале Рихтера один балл. Без датчиков это невозможно ощутить. Я думаю, что расщелина, в которую мы чуть не провалились, увеличивается.

– Если есть сейсмоактивность, значит, тут должны быть литосферные плиты, – сказал Еврин.

– Если есть литосферные плиты, – начал Толик, – то должна быть мантия, магма... в целом строение Гавани должно быть таким же, как и строение каменных планет нашей Вселенной.

– Но почему все покрыто этой твердой зеркальной материей? – спросила Лера. – Первые геофизические исследования показали, что однородная структура уходит вглубь до ста метров. Но потом я поэкспериментировала с частотой волн радара и выяснилось, что однородность сохраняется и на глубине нескольких тысяч метров! Эти зеркала, это и есть литосфера?

– Тысяч?! – спросил Гена.

– Тысяч! – закивала Лера, – я сама была в шоке. Сквозь такую твердую поверхность низкочастотные волны очень хорошо распространяются.

– На сколько тысяч ты заглянула? – спросил Гена.

– Две с половиной тысячи метров, – сказала Лера, – и это не значит, что толщина этого покрытия равна двум с половиной тысячам метров, это значит, что дальше я просто технически не могу зондировать.

В столовой ненадолго повисло молчание, но вскоре заговорил Марк:

– Внутреннее строение Гавани мы можем узнать.

По плану Марка было расставить сейсмодатчики на одной линии, так, чтоб расстояние между ними было тысячи километров. В идеале, чтоб узнать внутренне строение, датчики надо ставить на диаметрально противоположных концах любой каменной планеты, но теперь это оказалось трудновыполнимым. Ранее планировалось, что США, Россия и Китай высадятся на максимальном удалении друг от друга и каждая команда расставит свои сейсмоприемники возле места посадки, а после уже сейсмологи будут изучать общие данные. Но все пошло не по плану. Тем не менее, даже если расставить десятки датчиков на линии длиной несколько тысяч километров, можно многое узнать о слоях Тихой Гавани. Марк все это озвучил только что, и Храмовым было принято решение, что Марк вместе с Мишкиным (техник прекрасно управлял разведкоптером) завтра полетят ставить сейсмодатчики. Разведкоптер развивает скорость двести километров в час. За десять часов реально пролететь в одну сторону две тысячи километров.

– Давай в расщелину лидар опустим? – произнес Гена и посмотрел на Толю.

– Можно попробовать, – ответил картограф, – если она метров пять в ширину, то легко.

– Больше пяти, – сказал Мишкин, – я думаю, метров семь.

– Да, – сказал Еврин, – идея хорошая.

– Можно после ужина это сделать, чего тянуть? – предложил Толя.

– Так и поступим, – сказал Храмов, а потом добавил: – Что там с поиском американцев?

– Лидар отснял три процента намеченной площади, – ответил Толя, – заняло это... примерно... часа четыре.

– Н-да... – протянул Храмов, – долго, ну ладно... Найдем.

В зале снова все замолчали.

– Гена, – вскоре произнес Альберт Иванович, – покажи всем отрезанный фрагмент.

Тучный геолог подал вес тела вперед и встал со стула. Все это время черный кусок тороса лежал у него на коленях. Сейчас он держал его в руке.

– Вот, – Гена поднял над головой неизвестное науке вещество.

– Это что? – спросил один из техников.

– Это вы на улице нашли? – спросил врач.

– Я отрезал лазером кусочек от кристалла, – сказал геолог.

– Почему он черный? – спросил программист.

– Почернел, – сухо ответил ему Гена.

– Я считаю, что зеркальные структуры как-то связаны между собой, – сказал Еврин. – Что я имею в виду? Вся эта зеркальная материя является одним целым. Вы спросите – чем «целым»? Понятия не имею. Но похоже на то, что в этой субстанции протекают какие-то процессы, делающие ее светоотражающей, то есть зеркальной, и, как только мы отсоединили фрагмент от общего целого, связь нарушилась и в этот фрагмент перестало поступать нечто... не знаю что... какие-то токи, какая-то энергия, позволяющая веществу быть зеркалом. После того, как Гена отрезал кусок, этот кусок стал поглощать свет практически полностью. Сейчас мы смотрим на черный осколок, но мы не видим его. На самом деле мы видим лишь ситуацию вокруг него, и за счет этого можем обнаружить это идеально черное тело. Понимаете, о чем я? Свет не отражается от этого объекта, следовательно, объект невидим для нашего глаза.

– Какие можно сделать выводы? – спросил Храмов.

– Планета не случайно покрыта светоотражающим веществом. Да не просто светоотражающим, а светоотражающим при определенных условиях – под условиями я имею в виду

этот самый неизвестный нам ток. Иначе говоря, было два целенаправленных действия, чтоб покрыть планету зеркалами. Первое действие – покрыть ее твердой материей, которая в своем естественном состоянии не отражает свет. Второе – пустить по этой материи некую энергию, меняющую ее поглощающее свет свойство на противоположное, то есть на отражающее. И все это в мире, где нет излучения. Зачем зеркала там, где нет света? Это выглядит очень странно. Все равно что носить с собой зонт от дождя там, где не существует воды в принципе.

– Но ведь раньше тут были звезды, а значит, было и излучение, – заметил Толя.

– Все верно, но невообразимое количество триллионов лет прошло с тех пор. Зачем кому-то или природе поддерживать эту зеркальную структуру целую вечность? Очевидно, что на это идет какая-то энергия, без которой все почернеет так же, как и отрезанный фрагмент. Никакая эволюция и никакой разум не будут так себя вести без причины.

– Откуда может браться эта энергия? – спросил Храмов.

– Я думаю, что все ответы лежат глубоко под поверхностью Тихой Гавани, – заявил Еврин.

– Может ли этот зеркальный биом, да простят меня биологи за это выражение, оказаться формой жизни? – спросил Пельчер. – Ведь это выглядит так, будто от дерева оторвали листок, который вскоре начал умирать.

– При рассмотрении фрагмента в сканирующем микроскопе, мы наблюдаем углеродную атомную структуру, такую же как у алмазов, – сказал Еврин, – это не может быть жизнью.

6. Спуск в разлом

После собрания все члены команды поужинали. Толик с Геной смели свою порцию быстрее всех – так им не терпелось отправить лидер в расщелину. Гена даже позабыл, что хотел попробовать испытать фрагмент тороса на предмет компрессионного сжатия под геологическим прессом.

Еврин, держа в руках стакан воды, подошел к столику, где сидели Звезда, Гена и Юля.

– Готовы? – спросил ученый.

– Да, собираемся, – Толик встал из-за стола.

– Я с вами поеду, – произнесла Юля, быстро пережевывая котлету.

* * *

Храмов остался на «Гефесте». Как и прежде он видел на экранах монитора все изображения с камер космонавтов и транспорта. В этот раз поехали на «Бобре» – гусеничном планетоходе, похожим на узик-буханку, созданном для перевозки людей. «Бобер» мог вместить в себя двенадцать человек и имел закрытую обогреваемую кабину. В данный момент телеметрия на компьютер Храмова поступала с шести источников – с двух камер «Бобра» (с передней и задней) и с камер Толи, Гены, Юли и Альберта Ивановича. Микрофон Максима пока что был выключен.

Толик разогнался до пятнадцати километров в час. В расщелину он не боялся провалиться, потому что перед «Бобром» в пятидесяти метрах летел коптер с лидаром и сканировал поверхность. Возле руля на экране монитора транспорта отображалась карта – полоска местности шириной семьдесят метров. Такой безопасный способ передвижения по Гавани придумал Звезда.

Видя, что впереди ровное плато, Толик увеличил скорость.

– Если мы упадем в расщелину, мы не узнаем, что в ней, – намекнул Гена. Он сидел справа на переднем ряду.

Сейчас они снова общались в общем голосовом чате.

– Почему не узнаем? – улыбнувшись, спросил Звезда. – Как раз таки узнаем.

– Очень смешно, – недовольно сказала Юля.

– Прибыть в параллельную Вселенную, чтоб помереть в ней, провалившись в пропасть по неосторожности, это очень глупо, – снова намекнул Гена.

– Ага, – сказал Толя, – согласен.

Толя все улыбался. Радовался сейчас непонятно чему. Хотя для него это было естественное состояние. Этот человек вообще никогда не унывал.

– Я бы тоже порекомендовал снизить скорость, – настойчиво произнес Еврин.

– Хорошо, – ответил Звезда, – как скажете.

– Лучше бы я за руль сел, – тихо сказал геолог.

– Гена, давай ты мне тут не будешь вот это вот свое, ладно? – Толя покосился на друга.

– Ничего я не «вот это вот», не «свое», – недовольно пробубнил Гена.

Геолог посмотрел направо – вдали было видно кромку лабиринта торосов.

– Надо бы еще сходить вглубь этого торосного нагромождения, – сказал Еврин, – посмотреть, что там, может, какие новые структуры есть.

– У меня в план попала огромная часть этого леса, – сказал Толя, – я могу вам прислать.

– Да, пришли пожалуйста, как вернемся. Но план планом, а самим сходить все же необходимо.

– Почему спутниковый лидар не отобразил на карте планеты эту расщелину? Она же длинной сотни метров, а то и километры, – спросила Юля.

- Узкая слишком, – ответил Звезда.
- На обычной спутниковой съемке линейные объекты видно, – сказал Гена, – мы на практике в университете дешифрировали космические снимки.
- На обычной видны, а на скане лидара нет, – сказал Толя, повернувшись к Гене.
- Звезда, ты вперед смотри лучше, – произнесла Юля.
- Спокойно, у меня все под контролем, как и всегда, – Толик скрутился так, что встретился взглядом с Юлей, сидящей позади.
- Да, да, как и всегда, – тихо сказал Гена, – особенно как тогда на Марсе, когда в яму улетели... Тут, мол, гравитация низкая, давай разгонимся и прыгнем... И ка-а-ак...
- Гена! – перебил его Толик. – Язык твой – метла. Давай ты лучше помолчишь.
- Альберт Иванович, – произнесла Юля, – по вашему мнению, может ли отсутствие жизни быть связано с этими зеркалами?
- Интуиция подсказывает мне, что так оно и есть, – решительно ответил Еврин. – Я думаю, что это покрытие искусственно созданное и не имеет никакого отношения к естественному формированию планеты. Под зеркалами – настоящие слои Тихой Гавани. Зеркала – это какой-то нарост. Раньше, вероятно, на планете была жизнь, а зеркала заместили ее собой, и если мы сможем добраться до поверхности Гавани, то выясним это наверняка. А может, жизнь там все еще есть – хотя бы бактериальная в грунте.
- Как технически возможно закрыть планету зеркалами? – спросил Толя.
- Может, что-то запустило процесс их роста, – выдвинул гипотезу Еврин.
- Но зачем? – спросил Гена.
- Давайте продолжим рассуждать в ключе, что это вышло не случайно, а сделано намеренно кем-то. Каким-то разумом. Представьте, как далеко может уйти эволюция сознания за триллионы лет! – тут Еврин возбудился и повысил голос. Он всегда возбуждался, когда заводил разговор о сверхразуме. – Если в этой Вселенной сохранилась цивилизация и этой цивилизации сейчас триллионы триллионов лет, то куда могла завести эволюция сознание подобных существ?! – повторил он. – Если мы за несколько сотен тысяч лет прошли путь от пещерных людей до созданий, сумевших построить компьютеры, космические корабли, коллаидеры, то что же может случиться с разумом за неимоверно большее время?! Кстати говоря, еще сто пятьдесят лет назад мы ездили на лошадях! Можно еще дальше пойти рассуждать – посмотрите, что стало с жизнью на Земле всего за один миллиард лет! Она из бактерий превратилась в нас! Нашей Вселенной всего чуть меньше четырнадцати миллиардов лет, но мы уже смогли достичь таких высот! Что будет с человечеством через триллионы триллионов лет?! (Тут Еврин совсем перевозбудился и начал жестикулировать.) Каким станет наш разум в бесконечно далеком будущем, если мы не вымерем?! И в таком случае можно ли будет нам нынешним понять наших далеких потомков? Понять их технологии, их мотивы. Зачем они нарастили зеркала на целой планете?
- Но попытаться понять все равно стоит, – сказал Толик.
- Я согласен, – ответил Еврин, – я вел к тому, что сделать это будет сложно.
- И не факт, что это дело рук разума, который эволюционирует триллионы триллионов лет, – сказала Юля.
- Да. Не факт. Я же указал, что мы обсуждаем вариант, что эти зеркала не дело рук случайности, а разумный замысел. Я склоняюсь к этой версии.
- Я все же имела в виду немного другое, – произнесла Юля, – я хотела сказать, что зеркала связаны с отсутствием жизни на них, на их поверхности, в этой экосистеме, в этой воде, а не в недрах.
- Может быть есть какое-то вредное излучение из космоса, которое мы не можем уловить? А зеркала защищают планету от него, и поэтому на поверхности нет жизни? – спросил Гена.

– Была подобная идея – зеркала как защита от излучения, – сказал Еврин, – такое тоже возможно, но проверить это мы пока не можем. Доступные нам приборы не фиксируют никакого космического излучения, кроме реликтового. А по поводу отсутствия жизни на зеркалах, в воде, Юля, у меня нет комментариев. Я не знаю, почему тут стерильно.

Лидар показал расщелину, и вскоре Толя остановил «Бобер», не доехав до нее двадцать метров. Космонавты вышли из транспорта. Лица их снова начало покалывать из-за холода. Один Еврин взял с собой защитную маску на глаза и щеки, и теперь его лицо было практически полностью закрыто. Спереди и сзади из «Бобра» излучались треугольники света фар и простирались вдаль. Позади горел «Гефест». А вокруг – чернота.

Исследователи молча подошли к разлому. Толик встал на четвереньки возле края и робко заглянул за него. Потом лазерной рулеткой он измерил расстояние до противоположного края.

– Прием, – раздался голос Храмова.

– Мы на месте, – ответил Еврин.

– Вижу.

– Ширина ущелья восемь девяносто, – сказал Толя.

Картограф направил лазер рулетки вниз в разлом. Сделал первое измерение.

– Восемьсот три метра, – сказал он, – но, мне кажется, я попал на стенку, а не на само дно.

Он померил еще раз, стараясь направить луч как можно вертикальной вниз.

– Тысяча пятьсот тридцать метров, – сказал Звезда.

– А мы сможем на такую глубину коптер опустить? – спросила Юля.

– Ага, – Толя снова сделал замер.

– Ошибку выдает, – сказал он.

– Почему? – спросил Еврин.

– Не знаю, – Толя в очередной раз измерил расстояние.

– Четыре тысячи семьдесят пять метров, – сказал картограф, – я, похоже, каждый раз попадаю лучом на стену разлома в разное место.

– Точно! – воскликнул он, и встал. – Лидар же должен был вглубь стрельнуть...

– Что ты имеешь в виду? – спросил Храмов.

– Секунду... – Толя направился к «Бобру».

– Какое максимальное расстояние может измерить твой лидар? – спросила Юля.

– По техпаспорту двести километров, а по факту – я понятия не имею.

Толя взял из салона «Бобра» пульт управления коптером. На экране пульта была видна выстроенная только что карта – та самая полоска изображенной местности. Она заканчивалась пересечением с линией разлома. Толик выбрал на карте произвольную точку в границах разлома, и в поле координат в графе Z (высота) появилось множество девяток, что означало ошибку измерения.

– Что там? – спросил Еврин.

Толя ничего не ответил. Он включил режим 3D-модели, и, когда чуть повернул в программе модель местности, увидел, что ущелье уходит вниз на какое-то невероятное расстояние. Картограф уменьшил изображение. Повернул модель на вид сбоку. Измерил длину от края ущелья до самой низкой точки, которую смог взять лидар, и с изумлением произнес:

– Глубина разлома больше ста семидесяти пяти километров.

– Насколько больше? – спросил Еврин.

– Не знаю. Это отметка самой низкой точки на стене откоса, до которой смог дотянуться лидар. До дна он не достает.

– Давай уже запускай туда коптер, – сказал Гена.

– Да, сейчас, – ответил Толя.

– Какую скорость он может развить? – спросил Храмов.

– Скорость горизонтального полета у него около ста пятидесяти километров в час. Но падать ему проще, так что, я думаю, он разгонится ого-го. Точно сказать не могу.

– Давай вниз его, – скомандовал Храмов.

Толику пришлось держать пульт коптера за линией откоса так, чтоб между пультом и коптером не было преграды в виде многокилометрового зеркального слоя. Для этого Звезда, закрепив на себе страховочный трос, привязанный другим концом к «Бобру», сидел на краю ущелья свесив ноги, держа пульт над пропастью. Вдали внизу он видел мерцающий белый огонек. Гена с Юлей стояли за спиной картографа. Еврин замерз и пошел в авто. На навигационный экран «Бобра» с пульта Толи передавалась достраиваемая в реальном времени модель разлома, так что и Еврин и Храмов могли видеть ситуацию внизу.

– Скорость пятьсот двадцать километров в час, – сказал Толя.

Коптер имел систему, аналогичную парктроникам на автомобилях, и летел четко посредине между двух зеркальных стен.

– Удивительное место, – сказала Юля, – на Земле нет ничего подобного.

– Да, – протянул Гена, – разломов глубиной сотни километров у нас не может быть. Земная кора всего-то в среднем сорок километров.

– Учитывая, что гравитация здесь ниже, чем на Земле, а размер Тихой Гавани больше земного, вполне вероятно, что внутренний состав планеты нас удивит, – сказал Еврин. – Хотя... это в том случае, если гравитационная постоянная тут не сильно отличается от гравитационной постоянной нашей Вселенной.

– Интересно, что же там внизу, – мечтательно произнесла Юля.

– Я думаю, мы упремся в такое же зеркало, – сказал Толя. – Генка, а ты что думаешь?

– Я ничего не думаю. Долетим и узнаем, – ответил Гена.

– Ну просто предположи, что там может быть? – настаивал Толя. – Вон даже Альберт Иванович гипотезу толкнул, что там слои почвы. Давай, ты тоже.

– Чего ты пристал. Не знаю я, что там. Я, когда бурюсь, никогда не думаю, что внизу. Бурюсь и все. Потом узнаю.

– Эх, скучный ты человек, – сказал Звезда.

– Сам ты скучный.

– Нам бы как-нибудь образцы взять со дна, – грустно произнесла Юля.

– Это если только самим туда спускаться, – сказал Толя.

– Давление должно расти по мере погружения, – напомнил Еврин, – боюсь, что спуститься туда не выйдет. На глубине сотни километров любой дрон будет раздавлен. Да и температура там, вероятно, высокая.

Через двадцать минут Толя замерз и его сменил Гена. Геолог также сел на край и пристегнулся к страховке. Еврин, Толя и Юля, сидя в «Бобре», замороженно смотрели, как из ничего появляются стены откоса на экране. Коптер опустился уже более, чем на триста километров, а глубина, до которой он мог дотянуться своим лазером, составляла более пятисот километров. Все были удивлены тем, что температура на такой глубине практически не изменилась, а давление возросло всего в три раза, судя по показателям датчиков коптера. Ущелье было не идеально вертикальным, а имело наклон несколько угловых минут, при этом стенки разлома были на первый взгляд совершенно прямые по направлению вглубь планеты. По горизонтальному же направлению (то есть, если смотреть на него сверху) разлом петлял, изламываясь, словно одна из линий молнии.

– Шестьсот тридцать километров, – удивленно произнес Еврин, – просто невероятно. И давление! Давление слишком низкое для такой глубины! Невозможный мир!

Коптер начал замедлять скорость.

– Сигнал слабеет, – сказал Гена, – я торможу.

– Почему слабеет? – спросил Храмов.

– Не знаю, – ответил геолог.

– Похоже, что разлом все же немного загибается и сейчас коптер ушел с зоны прямой видимости с пультом, – сказал Толя, – сейчас уточню.

Картограф вышел из транспорта. Подойдя к Гене, он взял у него пульт. После того, как Звезда прочертил на плане прямую линию вниз по стенке откоса, он понял, что и правда откос не прямой. Коптер скрылся за поворотом, но полностью не потерял сигнал.

– Итак, – важно произнес Звезда, – мы смогли погрузиться на четыреста пятьдесят восемь километров триста двадцать пять метров и построить план части ущелья до глубины в шестьсот тридцать пять километров четыреста семь метров.

– Толя, а твой коптер не может сам до конца разлома долететь? – спросил Еврин.

– Можно попробовать, но я не гарантирую, что он не разобьется или не потеряется. Это все же в первую очередь наземный прибор для съемки поверхности. Правда, в пещерах их иногда используют. Но на глубины в тысячи километров самостоятельно летать он не приспособлен. Хотя... разлом практически прямой... В общем – попробуем.

– Пассажирский дрон туда пролезет? – спросил Гена.

– Если судить чисто по габаритам, то пролезет, – сказал Толик.

– Вы предлагаете самим туда спуститься? – спросила Юля.

– А почему нет? – ответил Гена.

– Подождите, куда вы разогнались, – возмутился Храмов, – спускаться в такую узкую щель опасно на пассажирском дроне.

– Почему это? – сказал Толик. – Он четыре на четыре метра. У нас до стен откоса с обеих сторон будет более чем по два метра. Пролезет. Пролетит со свистом! А давление он выдержит, я думаю, до десяти атмосфер точно.

– У пассажирского дрона есть системы, удерживающие его на расстоянии от преград, как у коптера с лидаром? – спросил Альберт Иванович.

– Ну еще бы! Там такие системы контроля, что ого-го! Я на этом дроне туда с закрытыми глазами спущусь! – Толя был воодушевлен. Идея опуститься на дно разлома будоражила его, и он не мог скрыть восторга.

– Толя, давай сначала посмотрим, какие данные нам даст твой аппарат, – сказал Храмов, – а потом решим, спускаться туда самим или нет.

Звезда отправил коптер дальше вглубь расщелины. Связь с ним пропала полностью. В программе картограф заложил следующее: коптер пролетает вниз еще тысячу километров или пять часов, после чего возвращается; если до того, как коптер пролетит заданный путь, он окажется в тупике, то возвращается сразу; если все проходит гладко, коптер вылетает из расщелины через десять-одиннадцать часов и передает сигнал на пульт. Заряд у дрона рассчитан как раз на это время. А на дроне, что летает и ищет американцев, Толя будет менять аккумуляторы.

Команда поехала обратно на «Гефест».

7. Эти зеркала...

Толе снилась Земля. Не что-то конкретное, а последовательность разных несвязанных между собой образов, смешанных с сюрреализмом. Все картинки во сне Звезды имели место в его жизни, если не считать абсурд, достроенный мозгом: Толя едет на метро в университет, он оглядывается и видит, что все люди лежат на полу, а потом гаснет свет и... Толя сидит за столом в летнем доме родителей. Мать с отцом напротив него, а стоящий слева коллега по экспедиции в Антарктиду ему что-то рассказывает. Теперь уже Толя убегает по улице от Гены, который кричит ему вслед не пойми чего... Толе восемнадцать лет, он в подъезде на лестничном проеме пьет водку с одногруппниками... Идет писать в мусоропровод... Звезда вернулся с Луны и ждет в спасательной капсуле людей... Плывет на лодке с бывшей женой, с которой они обручились на пятом курсе и развелись через два года... Идет в школу и по пути бьет хулиганов (хотя в реальности он никогда не дрался)... Выпивает что-то из рюмки на улице возле лазерного сканера, стоящего на штативе, а вокруг метель... причем, тут он видит себя со стороны, видит свое красное от мороза, довольное лицо.

Толя открыл глаза по звонку будильника. Первая условная ночь на Тихой Гавани подошла к концу. Свет плавно становился все ярче. Звезда сел, поставив ноги на теплый пол. За дверью были слышны разговоры – какая-то суета. На «Гефесте» люди просыпались в разное время в четыре захода с интервалом в тридцать минут, чтоб не создавать толкотни в ванной комнате, которая была общей и имела четыре душевые кабинки.

Первым делом Толик проверил, есть ли сигнал с коптера, отправленного в расщелину. Сигнала не было и это говорило о том, что коптер все еще под поверхностью планеты. Прошло двенадцать часов с момента, как он скрылся из виду, а значит, батарея его уже села и, вероятно, ждать возвращения аппарата не придется. Затем Звезда включил компьютер и посмотрел, какую площадь за ночь отснял другой коптер и не нашел ли искусственный интеллект на сканах что-то похожее на «Спейс Игл». Не нашел. Проверять снимки самостоятельно Толя будет после душа и завтрака.

Он отправил Храмову сообщение о пропаже коптера. Храмов сухо ответил: «Ясно, будем думать».

* * *

Съев яичницу с бутербродом, Звезда собрался приступить к кукурузным хлопьям с молоком, но отвлек его крик Еврина, доносящийся с лестничного прохода.

– Этого не может быть! – раздалось снизу. – Как я мог вчера не заметить...

Толя встал.

– Это будет невероятное открытие... – голос ученого становился все тише. Толя и еще несколько человек быстро подошли к лестнице. Этажом ниже стоял Гена и держал в руках камеру и полуметровую линейку.

– Что случилось? – спросил Толя.

– Не знаю, – геолог пожал плечами, – профессура засуетилась. Говорит, сейчас открытие делать будем. Пойдешь?

– Пойду.

– Ну собирайся.

– Ага. Сейчас, только Юлю позову.

* * *

Альберт Иванович никому ничего не объяснил. На улице, в десяти метрах от «Гефеста», под морозящим дождем, стояли Еврин, Храмов, Толя, Гена, Юля, Лера, Марк, Мишкин, трое

техников, врач-психиатр, программист и Генин помощник Андрей. На самом деле в таком составе не было необходимости, дело в том, что на улицу вышли лишь те, кто услышал возгласы Еврина, а сам же ученый позвал с собой только Гену. Для проведения эксперимента, задуманного им, было достаточно и одного человека. Гена по указанию Еврина положил линейку на мокрое зеркало, а напротив, в метре, на мини-штативе высотой двадцать сантиметров установил камеру. Гена стоял возле камеры на одном колене и ждал неизвестно чего. Члены команды обступили геолога.

– Так, Геннадий, – быстро произнес Еврин, – сейчас будем снимать линейку и мою руку, понял?

– Понял.

– Наводи камеру.

– Я ее сразу на линейку навел.

– Хорошо.

Охая, Еврин медленно сел возле линейки так, чтоб она оказалась между ним и камерой.

– Снимай! – скомандовал ученый.

Гена кивнул.

– Снимаю.

К общему чату были подключены все присутствующие, но разговаривали только Еврин и Гена.

Ученый поднес кулак к линейке и оттопырил указательный палец. Кончик пальца находился над линейкой на расстоянии не более десяти сантиметров.

– В камеру видно отражение пальца в зеркале? – спросил Еврин.

– Видно.

– Хорошо видно?

– Хорошо.

Ученый резко дернул рукой, проведя ей над линейкой и, задумавшись на мгновение, откинулся чуть назад. Сложил руки на груди. Вид его был растерянный.

– Не так, – произнес он, – нужны точные контуры. Палец не подойдет... Надо... Надо что-то...

Он бегал взглядом по людям.

– Что надо-то? – спросил Храмов.

– Острое что-то, – ответил Еврин, – не знаю... карандаш... нож... циркуль...

– Я принесу карандаш, – сказал Толя.

– Подожди, – махнул на него рукой Еврин, – не надо ничего. Секунду...

– Гена, давай еще разок, снимай.

– Я и не выключал.

Ученый снова поднес палец к линейке и дернул рукой в сторону.

– Все, – Еврин встал на четвереньки и из этого положения неуклюже и медленно поднялся.

– И что это было? – спросил Храмов.

Ученый наклонился и взял в руки камеру.

– Идите все в столовую, – сказал он, – скоро я все расскажу. Если все так, как я думаю, то предупреждаю – вас ждет сильное потрясение.

* * *

Проектор висел под потолком. На стену подаяния транслировалась запись, сделанная Геной пятнадцать минут назад. Сейчас видео стояло на паузе. Когда все члены команды уселись, Еврин подошел к стене и окинул людей взглядом.

– Все собрались? – спросил он.

- Да, – ответил Храмов.
- Хорошо. Тогда я начну.

Альберт Иванович стоял слева от проекции. В руке он держал маленький пульт размером с электронный ключ от автомобиля. На изображении на стене было видно линейку сбоку и руку Еврина с торчащим в сторону зрителей указательным пальцем. От правого края пальца ученый провел в программе видеомонтажа вертикальную линию к отражению пальца в ту же его часть – к правому краю. Линия пересекала линейку.

В столовой повисла тишина. Все завороженно смотрели на экран, взволнованные обещанием Еврина удивить. И Еврин не обманет, ведь уже через несколько минут все встанет с ног на голову, откроется невероятное...

Ученый воспроизвел видео: палец, отражение пальца и линия, соединяющая их, сместились вправо от одного края линейки к другому. Видео остановилось – монтируя, Еврин обрел на этом моменте запись.

– Кто-нибудь что-нибудь заметил? – спросил Альберт Иванович. Глаза его горели, а усы торчали вперед. Он был еще более взволнован, чем публика.

- Нет, – раздалось из разных концов столовой.
- Ага! – воскликнул он. – А теперь внимание! Фокус!

Он перемотал запись на начало и воспроизвел ее в замедленном режиме.

Спустя секунду на видео настоящий палец Еврина начал смещаться рывками вправо, вместе с пальцем смещалась и вертикальная линия, но отражение пальца оставалось на месте, и лишь через одну десятую секунды отражение сдвинулось в сторону уходящей от него линии. В этот момент линия уже прошла по линейке три миллиметра. Отражение догнало ее и далее уже двигалось одновременно с настоящим пальцем Еврина.

- Видели?! – ученый скакал взглядом по публике.
- Что это было? – спросил Храмов.
- Задержка! – выкрикнул один из техников.
- Отражение отстало! – произнес еще кто-то.
- А я говорил вам, что тогда отражение осталось на месте, – громко произнес Марк.
- Может, дефект при записи? – спросил Храмов.
- Нет, – сказал Еврин, – на второй записи тот же результат. Отражение всегда отстает.

Но это еще не все. Есть еще кое-что более очевидное! И я не понимаю, как мы не заметили это раньше. Никто не заметил!

Ученый еще раз запустил видео для аудитории. Потом Еврин сложил руки за спиной и медленно пошел вдоль стены. Взгляд его из-под сдвинутых бровей был направлен в пол, губы шевелились, будто он что-то тихо говорил. Но он ничего не говорил. Была у Еврина такая особенность – когда он размышлял и был очень сильно сконцентрирован, то губы непроизвольно двигались синхронно со словами, произнесенными в уме. И судя по тому, как быстро сейчас шевелились его губы и заодно седые усы, мысли у Еврина ураганом кружились в сознании.

- Из-за чего может отставать изображение? – спросила Юля.
- Может быть, – неуверенно начал Толя, – отражение отстает из-за того, что скорость света прямо возле поверхности планеты как-то особо сильно замедляется? Может, дело... ну там... в каком-нибудь замедлении времени?

– Время замедляется настолько, чтоб отставание отражения было видно? – язвительно спросил Еврин, все так же глядя в пол. – А потом отражение еще и догоняет то, от чего оно отразилось? Бред, Звезда, полный бред! Если бы время возле поверхности замедлялось так сильно, то что было бы под поверхностью? Что было бы со временем в расщелине на глубине? Время тут ни при чем.

Толик растерянно пожал плечами и огляделся. Еврин дошел до стены с иллюминатором, развернулся и пошел обратно. Все молча смотрели на ученого, ожидая от него выводов.

– Вы сказали, что это еще не все, – обратился к Еврину Храмов. – Что еще случилось?

– Надевайте костюмы, пойдемте снова на улицу, – быстро произнес ученый, повернувшись к команде. – Все идем, все!

Люди вопросительно посмотрели на Храмова. Тот задумался на несколько секунд, а потом спокойно произнес:

– Хорошо. Пошли.

Тридцать семь членов экипажа плотно забились в шлюзовую комнату. Раздвижные двери, ведущие в «Гефест», за их спинами закрылись и тут же напротив разъехались такие же двери наружу. На улице лил дождь.

По трапу можно было спускаться по двое. Выход из корабля всей команды вместе со сборами занял не более пяти минут – нужно было вернуться в свою каюту, надеть комбинезон с баллоном, зайти в шлюзовую отсек и по очереди спуститься по трапу. Еврин, конечно же, спустился первым. Пока остальные выходили, ученый отбежал, шлепая ногами по лужам, метров на пятьдесят от «Гефеста», зазывая в общем чате за собой остальных. Команда растянулась цепочкой.

– Встаем все шеренгой, – громко произнес ученый, – все лицом к кораблю. Надо встать так, чтоб половина команды оказалась слева от меня, а другая половина справа.

Ливень бил по оранжевым костюмам космонавтов, капли попадали в лицо и обжигали холодом. От зеркал отскакивали брызги воды, а лужи исходили кругами. Дождь шипел. Искаженное отражение «Гефеста» плясало в мокрых зеркалах.

Вереница людей начала терять свою линейную структуру. Космонавты расходились в стороны и выстраивались, как указал Альберт Иванович.

– Давайте, давайте, скорее же! – воскликнул он.

Когда все члены экипажа встали в шеренгу, Еврин произнес странное:

– Вы были когда-нибудь на море? – он наклонился чуть вперед и посмотрел по сторонам на людей.

Следующие несколько секунд в чате происходила звуковая какофония, потому что тридцать шесть человек (это без Еврина) дали ответ: почти все сказали, что были.

– Так... лучше не надо больше ничего отвечать, – сказал ученый, – лучше просто слушайте. Наверняка вы все видели, как солнце садится за морской горизонт. Когда это происходит, мы все можем увидеть желтую или красную дорожку солнечного отражения. Она идет от солнца по воде по направлению к нам.

Еврин сделал паузу, снова высунулся вперед и окинул взглядом команду.

– Если вы и ваш друг будете стоять на берегу на расстоянии друг от друга, к примеру... сто метров, то у каждого из вас будет своя дорожка отражения солнца. Вы будете видеть свою дорожку, идущую к вам по вашему лучу зрения, а ваш друг будет видеть свою дорожку, идущую от солнца к нему. Вы не можете увидеть дорожку отражения вашего друга, а он не может увидеть вашу дорожку. Почему? Потому что лучи солнца отражаются от воды во все стороны, и мы видим только те лучи, что летят прямо в наши глаза, прямо нам навстречу, а те лучи, которые летят в сторону от нас, мы не увидим. Зато их увидит тот, кто стоит в стороне, и для него они окажутся лучами, летящими на него, по аналогии с нашими лучами, летящими на нас. В общем, априори нельзя увидеть лучи света, летящие не на нас, потому что они летят не на нас, все... надеюсь, я ясно объяснил. Но есть случаи, когда можно посмотреть на дорожку отражения солнца сбоку, со стороны. Есть возможность увидеть ее, идущую не на нас. Как же это сделать? В случае, если она нарисована. Вы можете подойти к картине с изображенным закатом над водой и встать сбоку от этой картины. Тогда вы увидите, что дорожка, написанная художником, идет не к вам. Как бы вы ни ходили из стороны в сторону, нарисованная дорожка солнца всегда будет находиться на месте, ведь это статичное изображение. Двигаемся дальше. Если вы увидите дорожку солнца на видеозаписи на мониторе, вы также можете встать

сбоку монитора и увидеть дорожку, идущую не на вас, а в сторону. А теперь посмотрите все на дорожку света «Гефеста» в отражении. Куда она идет?

Спустя секунд пять в чате поднялся галдеж. Дорожка отражения света «Гефеста» в зеркалах была направлена от корабля к середине шеренги, и те, кто были по краям построения, сейчас обратили внимание на то, что отражение не идет на них по лучу зрения. Толя отбежал метров на пятьдесят от людей и увидел, что отражение «Гефеста» все так же тянется к шеренге, а не к нему. Еще несколько человек тоже отошли в сторону, чтоб увидеть этот эффект.

– Тише, тише! – крикнул Еврин, вытирая капли с лица. – Вчера мы это и не заметили. Но то был день прилета, все были на нервах, всем не до этого было. Хотя и сейчас беспокойно... Так... значит, говорю суть: если эта дорожка отражения света «Гефеста» не отдельное изображение для каждого члена экипажа, стоящего в разных местах, значит, это изображение не является отражением. Это изображение, как и всё, что мы видим под ногами, – запущенная видеозапись! Планета покрыта не зеркалами, а экранами, мониторами, которые транслируют нам нас же самих!

8

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.